

**К 140-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.
«НЕДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ»:
ПОЭМА М.А. ХИТРОВО «САН-СТЕФАНИАДА» (1878 Г.)**

Марина Михайловна Фролова –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук,
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

Аннотация

Статья, основанная на опубликованных воспоминаниях и письмах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., рассказывает о некоторых сторонах пребывания на Балканском фронте Главной квартиры главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (старшего). Об этих событиях идет речь в поэме М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада». Поэма была запрещена цензурой в 1885 г. и ныне публикуется впервые.

Ключевые слова

«Сан-Стефаниада», М.А. Хитрово, русско-турецкая война 1877–1878 гг., цензура, М.И. Семевский, великий князь Николай Николаевич (старший), Ф.К. Гершельман, М.А. Газенкамф, Н.П. Игнатъев.

**THE 140TH ANNIVERSARY OF THE END
OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878.
“IT IS NOT ALLOWED BY CENSORSHIP”:
THE POEM OF MIKHAIL A. KHITROVO “SAN-STEFANIADA” (1878)**

Marina M. Frolova –

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
marinafrolova59@mail.ru

Annotation

Based on the published memoirs and letters of the participants of the Russian-Turkish war of 1877–1878, the article explores some aspects of the commander-in-chief Grand Duke Nikolai Nikolayevich's (Senior) presence on the Balkan front. These aspects were described in the poem by Mikhail Khitrovo «San-Stefaniada». The poem was banned by censorship in 1885, and it is published now for the first time.

Keywords

“San-Stefaniada”, Mikhail Hitrovo, Russian-Turkish war of 1877–1878, censorship, Mikhail Semevsky, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (Senior), Fedor Gershelman, Mikhail Hasenkampf, Nikolai Ignatiev.

На письменный стол М.И. Семевского, редактора и издателя исторического журнала «Русская старина», легли корректурные листы очередного февральского номера за 1885 год, которые, согласно правилам, за четыре дня до печатания тиража следовало представить в Санкт-Петербургский цензурный комитет. Еще в 1870 г. Семевскому удалось получить разрешение на освобождение журнала от предварительной цензуры, что давало большую самостоятельность и свободу в подборе и публикации материалов¹. Но полностью избежать цензуры было невозможно, поэтому редактор волновался за каждый очередной номер. И на этот раз, как оказалось, не напрасно: председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета Е.А. Кожухов не признал возможным пропустить в печать шутку-поэму «Сан-Стефаниада» (1878 г.). Он мотивировал свое решение тем, что «здесь описаны страдания русского солдата», заключается «злая ирония» над «нашим парадным штабом», «над хвастовством новых Наполеонов»; говорится «о болячке-Плевне», «о походе без обоза, в лохмотьях, босой серой силы», о стремлении домой и «перемирии с убитым врагом». К тому же «имена лиц высокопоставленных и жестоко осмеянных обозначены очень прозрачно...». В результате вывод цензора был однозначным: «Представить в таком позорном виде великие события еще свежей борьбы, когда бывшие ее деятели торжественно вспоминают теперь подвиги войска, значит... не признавать всего величия свершившегося и волновать умы неуместной злобной шуткой»². Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов полностью согласился с мнением цензурного комитета.

Тогда Семевский поспешил обратиться к министру внутренних дел графу Д.А. Толстому, который не раз поддерживал его в издательском деле. В письме от 28 января 1885 г. редактор просил отменить решение цензуры, так как, по его словам, поэма «Сан-Стефаниада» — «не более как шутливое стихотворение, которое в печати, появляясь в специальном сборнике, утрачивает и тот маленький острый характер, которое имело бы, ходя в рукописных списках»³. Феоктистов же, в ответ на запрос, доложил Д.А. Толстому, что «“Сан-Стефаниада” есть не что иное, как пасквильное стихотворение, исполненное едких насмешек над руководителями нашей армии в последнюю войну. Не думаю, — писал он, — чтобы оно понравилось в высших сферах... Прикажете ли потребовать от г-на Семевского, чтобы он подчинился заявленному ему требованию?». На полях около этой фразы министр карандашом начертил резолюцию: «Конечно»⁴. Таким образом, судьба «Сан-Стефаниады» была решена — она по-прежнему оставалась лишь в рукописных списках и в памяти тех, кто уже читал ее.

¹ Порох В.И. Офицер, историк, издатель. Всё о М.И. Семевском. Саратов: СГАП, 1999. С. 121, 123.

² Там же. С. 136.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 137.

Следует отметить, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российских журналах и газетах печатались многочисленные корреспонденции с Балканского и Кавказского фронтов; после войны, в 1879 г., вышел в свет 6-томный «Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.», а с 1878 г. на страницах различных изданий начали публиковаться их воспоминания. Так что горькая правда об отвратительной работе и злоупотреблениях интендантства, в результате чего русская армия воевала голодной, разутой и раздетой, а также о неурядицах в управлении и высшем командовании, в связи с чем войска несли значительные потери, была для читающей публики не новостью. Но после 1 марта 1881 г., убийства императора Александра II, новый самодержец России Александр III ужесточил цензуру. К тому же, вероятно, несомненная сила сатирических стихотворных строк, которые легко запоминались и поэтому быстрее достигали цели, серьезно беспокоила цензурное ведомство.

Семевскому, по прошествии времени, иногда удавалось опубликовать вырезанные некогда цензурой статьи, но «Сан-Стефаниада» так и не появилась на страницах его журнала. Ее текст сохранился в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН — благодаря тому, что председатель Петербургского цензурного комитета, впоследствии ставший сотрудником журнала «Русская старина», собрал два тома корректур изъятого цензурой материала под названием «М.И. Семевский. Вырезки цензурные. Годы 1870–1886». Нам посчастливилось обнаружить эти документы, благодаря которым появилась эта статья⁵.

В корректурных листах февральского номера «Русской старины» за 1885 год поэма «Сан-Стефаниада» обозначалась как одно из «множества стихотворений неизвестных авторов, вызванных событиями войны 1877–1878 гг.». Не названо имя автора и в монографии современного историка из Саратова В.И. Пороха «Офицер, историк, издатель. Все о М.И. Семевском» (Саратов, 1999). Одна из ее глав, основанная на документах Российского государственного исторического архива (Ф. 776 — Главное управление по делам печати МВД; Ф. 777 — Санкт-Петербургский цензурный комитет), посвящена сложным взаимоотношениям издателя Семевского с цензурой⁶.

⁵ В 2013 г. О.Л. Фетисенко, старший научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, заместитель главного редактора Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева, констатировала, что самые знаменитые сатиры М.А. Хитрово, упоминаемые в мемуарах дипломата К.А. Губастова, — «Над несчастною Болгариею...», «По прочтении Крейцеровой сонаты» и поэма «Сан-Стефаниада» к настоящему времени еще не найдены. См.: *Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 128.*

⁶ Таковых сведений нет и в более раннем исследовании другого советского автора. См.: *Симица Н.Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70–80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С.Н. Валка / отв. ред. Н.Е. Носов.. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 7. С. 197–203.*

Однако имя автора «Сан-Стефаниады» — Михаила Александровича Хитрово — прекрасно знал редактор журнала, поскольку вместе с текстом произведения он получил и сопроводительное письмо (от 18 декабря 1883 г.), в котором присланную поэму предлагалось напечатать в «Русской старине». Это письмо сохранилось в архивном деле вместе с корректурными листами «Сан-Стефаниады», хотя первоначальный ее текст, написанный, скорее всего, от руки, до нас не дошел, как не дошел и сам автограф. К сожалению, подпись в письме оказалась неразборчивой, и нам не удалось ее разобрать. Любопытно, что неизвестный нам корреспондент просил Семевского сохранить произведение Хитрово в своем архиве «для обнародования» в «более благоприятное время», чего «оно вполне заслуживает», добавлял он, «если его нельзя напечатать теперь без согласия автора»⁷. Таким образом, корреспондент Семевского даже не предполагал, что препятствия к публикации встретятся не со стороны автора поэмы, а со стороны цензуры.

Авторство Хитрово подтверждается и в мемуарной литературе, например, в воспоминаниях о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ф.К. Гершельмана, в 1878 г. капитана, состоявшего в полевом штабе действующей армии, а впоследствии генерала от кавалерии, председателя Варшавского отдела Императорского военно-исторического общества (с 1905 г.). Тот факт, что даже через 30 лет, в 1908 г., когда писались воспоминания, Гершельман не смог обойти вниманием «это высоко характерное и художественное произведение Хитрово», свидетельствует о большой популярности поэмы среди офицеров. Выражая мнение своих сослуживцев, Гершельман подчеркивал, что Хитрово написал с большим искусством и юмором длинное стихотворение, в котором представил жизнь Главной квартиры за весь поход, начиная со времени, проведенного в Кишинёве. Хотя у Гершельмана и не сохранился список «Сан-Стефаниады», он и через 30 лет смог процитировать некоторые строчки наизусть⁸.

В опубликованном в 2014 г. отрывке из мемуаров дипломата К.А. Губастова (1845–1919), товарища министра иностранных дел России (1906–1908 гг.), также содержится достаточно высокая оценка «Сан-Стефаниады»: «Несколько патристических и проникнутых лиризмом мест и метко подмеченные слабые стороны главнейших героев войны составляют достоинство этой немного длинной сатирической поэмы, кажется, единственного русского поэтического произведения, воспевающего войну за освобождение турецких христиан»⁹. Губастов относил эту поэму к лучшим вещам Хитрово, так как в ней «много положено остроумия и злой наблюдатель-

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 265. Оп. 2. Д. 2984. Л. 1–1 об.

⁸ Гершельман Ф.К. Воспоминания о Турецкой войне // Военный сборник. 1908. № 6. С. 89–90.

⁹ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. Глава III. Константинополь (1866–1867). В: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 138.

ности»¹⁰, что обеспечило «большой успех в высших военных кругах»¹¹. Об этом дипломат знал не понаслышке, поскольку исполнял обязанности управляющего генеральным консульством в Константинополе (17.03.1878–04.07.1879 гг.) и постоянно контактировал с командным составом русской армии на Балканах.

Коллеги М.А. Хитрово, дипломаты Ю.С. Карцов и Н.К. Арбузов, в своих воспоминаниях указывали, что после «Сан-Стефаниады» офицеры его прозвали «бардом в стане русских воинов»¹².

Но прежде чем предложить современному читателю текст запрещенной в 1885 г. поэмы «Сан-Стефаниада», необходимо сказать о ее авторе М.А. Хитрово, а также об отдельных сюжетах, событиях и лицах, о которых идет речь в его произведении. Следует отметить, что уже в самих корректурных листах были добавлены некоторые пояснения, сделанные позднее самим Хитрово от руки чернилами. Они были необходимы для лучшего понимания широкой публикой содержания поэмы, так как «Сан-Стефаниада» изначально сочинялась для определенного круга участников русско-турецкой войны, в котором она ходила в рукописных списках и для которого каждое слово в ней было предельно ясно. Указанные глоссы на полях корректурных листов свидетельствуют еще и о том, что Семевский не терял надежды опубликовать поэму и получил разрешение на публикацию от самого Хитрово, который в один из своих приездов в Санкт-Петербург из далеких стран, где он служил, дополнил стихотворный текст соответствующими комментариями. Важно, что и Ф.К. Гершельман в начале XX в. считал необходимым объяснить те строчки из поэмы Хитрово, которые он запомнил.

Михаил Александрович Хитрово (1837–1896), правнук генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова, закончил Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (11 июня 1855 г.), в Крымскую войну в составе л.-гв. Конно-гренадерского полка охранял морское побережье Санкт-Петербургской губернии и Выборгского уезда от вторжения неприятеля. Но Хитрово более привлекала стезя дипломата, поэтому вскоре он перешел в министерство иностранных дел, служил консулом в македонском городе Битоле (Османская империя), генеральным консулом в Константинополе (Стамбуле), в Софии, столице Княжества Болгария, образованного после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в Александрии (Египет). Хитрово представлял Российскую империю в качестве ее посланника в Румынии, Португалии и Японии.

¹⁰ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 141.

¹¹ *Фетисенко О.Л.* Из босфорского table-talk 1874 года: М.А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 84.

¹² *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 139; *Арбузов Н.К.* Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков — наш посол в Константинополе (1880–1882 гг.) // Исторический вестник. 1914. № 12. С. 816.

В светской среде Хитрово славился как мастер эпиграмм, пародий, акростихов и сатир¹³, но в них, по мнению Вл.С. Соловьева, было «больше добродушного юмора, нежели желчи»¹⁴. Известный философ К.Н. Леонтьев признавал литературный дар Хитрово¹⁵, с которым был дружен еще с детства. В 1881 г. вышел сборник М.А. Хитрово «Стихотворения» (СПб.: тип. А.С. Суворина), а в 1896 г., незадолго до смерти автора, увидело свет второе дополненное издание (Стихотворения. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича). Вл. С. Соловьев в некрологе отмечал «несомненные достоинства» этого поэтического сборника: «В большей части его стихотворений господствует серьезная мысль и возвышенное настроение; многие отличаются прекрасным стихом; несколько переводов из Гёте и Гейне по точности и изяществу могут быть признаны образцовыми»¹⁶. Иного мнения придерживался Губастов: «“Стихотворения” успеха в свое время не имели и теперь совсем забыты. Довольно хорошие по форме и стиху, они не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной мысли. Их прочтешь и тотчас же забудешь, без желания прочитать их вновь. Но сатирические его стихотворения, несомненно, очень удачны и хороши»¹⁷.

Во время подготовки к войне с Турцией в конце 1876 г. Хитрово был командирован в качестве дипломатического чиновника в распоряжение главнокомандующего армией на Балканском полуострове великого князя Николая Николаевича (старшего), дяди императора Александра II. Во время военных действий начальником дипломатической канцелярии стал А.И. Нелидов (1835–1910), советник русского посольства в Константинополе (1874–1877 гг.). После заключения Сан-Стефанского договора Нелидову было поручено управление посольством в столице Османской империи, а заведывание дипломатической канцелярией при главнокомандующем русской армией перешло к Хитрово.

После объявления мобилизации Дунайская армия начала сосредотачиваться в Бессарабии, а в Кишиневе расположилась Главная квартира главнокомандующего. По просьбе великого князя начальником штаба был назначен генерал-адъютант и генерал от инфантерии А.А. Непокойчицкий (1813–1881), помощником начальника полевого штаба — генерал-майор К.В. Левицкий (1835–1890).

12 (24) апреля 1877 г. в Кишинёве Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. А 19 апреля император со свитой обедал у великого князя и «был чрезвычайно весел, в особенности же развеселился под конец обеда, когда великий князь попросил у него разрешения скоман-

¹³ Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 122.

¹⁴ В.С. [Вл.С. Соловьев]. Некролог М.А. Хитрово // Вестник Европы. 1896. Т. 4. Кн. 8. С. 904.

¹⁵ Письма К.Н. Леонтьева к М.А. Хитрово (1867–1873). В: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 116.

¹⁶ В.С. [Вл.С. Соловьев]. Некролог М.А. Хитрово. С. 904.

¹⁷ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 141.

довать, чтобы курили». «Хотя великий князь сам и не курит», свидетельствовал впоследствии полковник М.А. Газенкампф (1843–1913), профессор Николаевской академии Генерального штаба, «но под конец каждого завтрака и обеда громко командует: “вынимай па...”, а все присутствующие в один голос заканчивают: “трон”. Государь этого обычая не знал, он от души рассмеялся и впоследствии, когда прибыл на театр войны, завел тот же порядок и за своим столом»¹⁸.

Действительно, опубликованные письма бывшего посла России в Константинополе Н.П. Игнатьева¹⁹, лейб-медика С.П. Боткина, а также сочинение графа В.А. Соллогуба, находившегося в Императорской Главной квартире в качестве временного придворного историографа, свидетельствуют, что подобная традиция привилась за завтраком и обедом в Императорской Главной квартире. Во время обеда, который подавался в 7 час. вечера, великолепно, по отзыву Игнатьева, играли музыканты Преображенского полка. После последнего блюда, когда предлагался кофе, ставились на стол зажженные свечи, Александр II вынимал из кармана папиросу и громко командовал: «Вынимай па...», а все присутствовавшие (обычно около 70–75 человек) хором отвечали «трон». «Эти шутки, — писал Боткин своей супруге 15 июля 1877 г. из болгарского селения Бела (Бяла), — играют большую роль в теперешней монотонной жизни. Большая или меньшая их удача оставляет более или менее приятное настроение духа всего общества, лишенного здесь решительно всяких ресурсов: книг нет, газеты получаются далеко не всеми...»²⁰. Граф Соллогуб, будучи русским писателем (хотя и не первой величины), увидел в этом обычае не только «веселость» шутки, но и глубокий смысл: «Он служил доказательством, что перед общими трудами, перед общими опасностями, перед общими жертвами, если товарищество немислимо, то, тем не менее, устанавливаются некоторое сближение, некоторая семейная связь, выражающие милость и радушие»²¹. И Хитрово точно так воспринимал данную шутиливую команду и отразил этот момент в «Сан-Стефаниаде».

Из Бессарабии русские войска двинулись в Румынию. 15 (27) июня была осуществлена сложная операция по переправе через Дунай и очищению от турок высокого правого берега Дуная у г. Систово (Свиштов). Главная квартира вслед за армией меняла свою дислокацию — г. Плоешти, Зимница; 25 июня переправились через Дунай и расположились бивуаком у с. Царевец, где ожидалось прибытие огромного обоза в 350 повозок. Получив от генерал-адъютанта И.В. Гурко, начальника Передового отряда,

¹⁸ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 7.

¹⁹ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с Балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. С. 234.

²⁰ Боткин С.П. Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 92.

²¹ Соллогуб В. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. 14.

известие о занятии русскими войсками 25 июня 1877 г. г. Тырново, древней столицы Болгарии, Главная квартира направилась в этот город. По пути болгары, жители окрестных селений, встречали главнокомандующего с радостью. «Все кланялись, крестились, кричали “ура!”, хлопали в ладоши и бросали цветы под ноги лошадям»²², — сообщал Газенкамф. Торжествен был въезд главнокомандующего и его свиты в Тырново 30 июня; из-за «чрезвычайной узкости улиц» и необходимости ехать по городу «гуськом» шествие длилось около двух часов. Газенкамф признавался, что ему «нигде еще не случалось видеть такого одушевленного и неудержимого народного восторга»²³. Главная квартира встала бивуаком за городом.

Но наступление русской армии приостановилось из-за неудач под Плевной 8(20) и 18(30) июля 1877 г. 19 июля великий князь и его ближайшая свита были вынуждены покинуть Тырново. Передовому отряду Гурко, который, перейдя через Балканы, совершал рейд по Забалканской Болгарии, пришлось отходить на север, за проходы, отражая натиск турецкой армии под командованием Сулеймана-паши. Русские войска перешли к обороне на всем Балканском фронте. 28 июля Главная квартира великого князя переместилась в селение Горный Студень (Горна Студена), в центр расположения войск. Из России были вызваны дополнительные войска и гвардия. В августе разгорелись упорные бои за Шипкинский перевал, который был удержан благодаря героизму русских войск и дружин болгарского ополчения.

Третий штурм Плевны (30 августа 1877 г.) был особенно кровопролитным. Вызванный из Петербурга инженер-генерал Э.И. Тотлебен организовал осаду крепости, и 28 ноября она капитулировала. Великий князь Николай Николаевич намеревался перевести свой штаб из селения Богот в Плевну, но там все приличные дома были заняты под турецкие госпитали, в которых раненых и больных не лечили, а «просто оставляли на произвол судьбы», и все дома поэтому были зараженными²⁴. Пришлось задержаться в Боготе, где главнокомандующий и большая часть его свиты жили в войлочных палатках-кибитках. Осенние дожди превратили почву в Боготе, состоявшую из «красного жирного суглинка с черноземом», в ужасную и непролазную грязь²⁵, о чем вспоминал и Хитрово в «Сан-Стефаниаде».

Русские войска совершили невероятный по трудностям и лишениям переход через снежные и ледяные Балканы в страшную стужу, с боем овладели Филиппополем (Пловдивом) и форсированным маршем, гоня турок, по весенней распутице устремились в Адрианополь (Эдирне). 27 декабря великий князь и его Главная квартира оставили Богот и через Ловчу (Ловеч), Габрово и Шипкинский перевал добрались до Казанлыка (31 декабря 1877 г.). «Только теперь, видя своими глазами и испытав переход через

²² Газенкамф М.А. Мой дневник. С. 50.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Там же. С. 206.

²⁵ Скалон Д.А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. СПб., 1913. Т. 2. С. 13.

горы сам, — писал главнокомандующий императору в одной из телеграмм, отправленных ночью 1 января 1878 г., — понимаешь все трудности этого громадного, гигантского дела. Затруднения и препятствия — невообразимые и немислимые. Просто становишься в тупик, как все это можно было сделать. Положительно одному русскому войску это возможно. Описать и рассказать невозможно: все будет бледно перед истиной»²⁶.

Обоз Главной квартиры (и то не весь) пришел в Казанлык только через два дня, к вечеру, чему «все страшно обрадовались», поскольку в городе нельзя было ничего достать. Самому великому князю два дня пришлось «заимствоваться» у генерал-адъютанта Ф.Ф. Радецкого «не только чаем и сахаром, но даже полотенцами и мылом»²⁷. 3 января Газенкампф констатировал: «Продовольствуемся со дня на день, чем придется, не говоря уже о полном отсутствии водки и вина, даже сахара нет»²⁸. Начальник наградного отделения полевого штаба Ан. П. Струков, состоявший при канцелярии главнокомандующего, вспоминал о тех днях в Казанлыке: «Галль²⁹ кормил рисом с сливяным вареньем или пастилой, которые тут нашли в изобилии»³⁰. А полковник Д.А. Скалон (1840–1919), адъютант при главнокомандующем, наслаждаясь разнообразными и изысканными блюдами у богатого и знатного армянина Аракал-бея-Дадиана (Аракель-бей-Дадиан) в Сан-Стефано, не мог не отметить: «Наш однообразный стол за год кампании весьма и весьма приелся, так что им вполне удовлетворялось только чувство голода; но кусовые ощущения и требования надо было совсем забыть»³¹.

В своей поэме Хитрово упомянул «скудную трапезу Галла». Действительно в сложных переездах при отстающем обозе было трудно организовать полноценное питание в разграбленных болгарских селениях и городах.

8 января 1878 г. небольшой отряд авангарда русских войск под командованием адъютанта главнокомандующего генерал-майора Ал. П. Струкова (старшего брата упоминавшегося выше Ан. П. Струкова) занял Адрианополь. 12 января великий князь выехал из Казанлыка, через разрушенную Эски-Загру (Стара-Загора), Семенли в Херманли. Газенкампф с ужасом вспоминал о пути от Семенли до Херманли всего в 10 верст, который они с Левицким проехали верхом за пять часов: «Невылазная грязь, глубокие ямы и рытвины, бурные разлившиеся ручьи, полное отсутствие мостов и при этом еще густой туман и мелкий, дробный дождь»³².

²⁶ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 315.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ А.А. Галль (Галл) — генерал, гофмаршал великого князя, в ведении которого находилось довольствие Главной квартиры главнокомандующего во время войны.

³⁰ Струков Ан.П. Из семейной хроники. Мои воспоминания о турецкой войне 1877–1878 гг. // Русская старина. 1914. Т. 158. № 4. С. 109.

³¹ Скалон Д.А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 296.

³² Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 374.

14 января в Херманли великий князь и его свита сели на поезд до Адрианополя. Главнокомандующий, стоя у открытого окна вагона, здоровался и благодарил гвардейские войска, которые шли вдоль полотна железной дороги и отвечали ему восторженными криками «ура!». «Но в каком обтрепанном виде шла гвардия! — сокрушался Газенкамф. — По костюмам, головным уборам и обуви — настоящие башибузуки. Шинели порыжелые и дырявые, погоны оборванные, вместо фуражек — болгарские овчинные шапки, фески, чалмы, платки. А на ком сохранились фуражки — нельзя распознать цветов. Сапог почти ни у кого нет — все опанки, опорки, какие-то подобия лаптей, суконки, обвязанные веревочками, а то и просто босиком»³³.

Въезд великого князя и его свиты в Адрианополь 14 января 1878 г. был исполнен величия и триумфа. 18 января к главнокомандующему русской армией вновь явились турецкие уполномоченные — Сервер-паша, министр иностранных дел Высокой Порты, и Намык-паша, министр султанского двора, и уже «беспрекословно приняли как предварительные условия мира, так и условия перемирия»³⁴. 19 января в 6 час. вечера великий князь Николай Николаевич, Сервер-паша и Намык-паша «подписали главные основания мира, а около 7 час. вечера Непокойчицкий, Левицкий, Неджид-паша и Осман-паша — условия перемирия» (Адрианопольское перемирие). В этот день за вечерним чаем великий князь сказал, что мечтает «пригнать заключение окончательного мира к 19 февраля. Государь очень любит сближение достопамятных чисел, а тут вышло бы очень кстати освободить христиан от ига мусульманского в день освобождения крестьян от рабства»³⁵. Как известно, 19 февраля являлся также и днем восшествия императора Александра II на престол (в 1856 г.).

Однако «просвещенная Европа» встретила сообщение об окончании русско-турецкой войны отнюдь не восторгами и поздравлениями. 28 января 1878 г. британский посол в Петербурге сообщил, что эскадра Хорнби вступает в Дарданеллы. Попирая нормы международного права, британские броненосцы вошли в Мраморное море³⁶. 4 февраля четыре английских броненосца бросили якорь у Принцевых островов, что в часу хода от Константинополя. Правда, уже 5 февраля эскадра отошла от Принцевых островов, но осталась в Мраморном море.

5 февраля на совещании у главнокомандующего обсуждалось настойчивое требование Александра II занять Константинополь путем мирного соглашения с султаном, требование, которое, однако, невозможно было

³³ Газенкамф М.А. Мой дневник. С. 376.

³⁴ Там же. С. 392.

³⁵ Там же. С. 399.

³⁶ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986. С. 357, 359.

исполнить ввиду реальной угрозы со стороны английской эскадры и отсутствия русского флота в Черном море. Игнатъев предложил компромисс, который чрезвычайно понравился великому князю: занять предместье Константинополя Сан-Стефано, «чудное местечко на берегу Мраморного моря»: «там мы будем все равно, что в Константинополе, а между тем англичанам придаться не к чему»³⁷. В Сан-Стефано поезд с великим князем прибыл 12 февраля около 4 час. утра «при чудном лунном свете». Главнокомандующий въехал в город в сопровождении своей свиты в 50 человек под охраной всего лишь одной конвойной роты и эскадрона собственного конвоя под командованием полковника Жукова, поскольку два головных поезда, на которых был отправлен конвой в Сан-Стефано раньше поезда великого князя, были задержаны турками на одной из промежуточных станций³⁸. Головные войска Гвардейского корпуса (л.-гв. Преображенский полк, л.-гв. саперный батальон, гвардейская стрелковая бригада и л.-гв. Уланский полк) подошли значительно позднее, хотя и в тот же день, 12 февраля. Именно это обстоятельство упоминается в поэме Хитрово. На станции великого князя Николая Николаевича ожидали военный министр Реуф-паша, бывший главнокомандующий Мехмет-Али-паша и местное греческое духовенство. «Сознание, что находишься в предместье Царьграда, наполняло сердце и душу отраднейшим чувством достигнутого успеха»³⁹, — делился своими впечатлениями Д.А. Скалон.

Переговоры с турецкими уполномоченными о мире едва продвигались: турки изыскивали «всевозможные предлоги затянуть дело», а 16 февраля и вовсе их прервали. Тогда 17 февраля главнокомандующий русской армией произвел «демонстрацию наступления на Константинополь»: русские войска и «вся наличная артиллерия» были построены возле Сан-Стефано «правым флангом к Мраморному морю и фронтом к Константинополю» на поле близ маяка. Столица Османской империи лежала перед русскими как на ладони. Войска с песнями, под музыку и барабанный бой двинулись вперед, прошли 200–300 шагов, великий князь отдал команду «стой!», и нижним чинам было разрешено бежать врассыпную вперед — смотреть Константинополь. Затем войска прошли церемониальным маршем мимо главнокомандующего и были распущены. И Скалон, и Газенкампф удивлялись, что эта «невинная демонстрация» произвела желаемое воздействие на турок, и переговоры были возобновлены⁴⁰.

19 февраля (3 марта) 1878 г. Н.П. Игнатъев и Савфет-паша подписали Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. В 17.30 эту радостную весть Игнатъев привез в русские войска, которые томились ожиданием с

³⁷ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 441.

³⁸ Там же. С. 466.

³⁹ Скалон Д.А. Мои воспоминания. Т. 2. С. 239.

⁴⁰ Там же. С. 272–273; Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 472–473.

14 час., будучи выстроенными для парада. Был отслужен благодарственный молебен, подобного которому, по словам Газенкампа, не было «со дня взятия Парижа в 1814 г.»⁴¹. Его также поразил и парад, закончившийся в темноте: «Насколько скучны и надоедливы мирные парады, чересчур частые, настолько же был величественным этот в полном смысле торжественный парад, — писал он. — Надо было видеть, с каким воодушевлением, с каким гордым сознанием своей несокрушимости проходили мимо своего вождя эти войска, прославившиеся целым рядом геройских подвигов, и с каким почтительным благоговением смотрела на них многотысячная толпа, собравшаяся из Царьграда и окрестностей»⁴².

Следует сказать, что в своей поэме Хитрово довольно пренебрежительно и грубо отозвался об Игнатеве, который, по его словам, «сварганил» договор. Дело в том, что между двумя дипломатами были довольно непростые отношения. Хитрово приходился троюродным братом супруге Н.П. Игнатевы, Екатерине Леонидовне (урожд. княжне Голицыной). Назначенный в 1872 г. генеральным консулом в Константинополе, он, по воспоминаниям Губастова, «развлекал собой посольский кружок и отчасти министерство [иностраных дел] препирательством с Игнатевым, посвящая в эту бумажную борьбу своих родственниц княгиню Голицыну⁴³ и Екатерину Леонидовну, которые вздыхали, охали, не знали, кто из спорящих был прав и на чьей стороне им быть»⁴⁴. Современная исследовательница О.Л. Фетисенко полагает, что по отношению к Игнатеву Хитрово «состоял скорее в небольшой фронде»⁴⁵. Игнатев, в свою очередь, в «Походных письмах...», если и упоминает имя Хитрово, то почти всегда с негативным оттенком. Кроме того, представление о том, что Сан-Стефанский договор — плод усилий лишь одного Игнатева, в историографии, как известно, давно и убедительно опровергнуто⁴⁶.

После заключения Сан-Стефанского мира войска настроились на близкий отъезд домой, в Россию, но простояли еще полгода в ожидании решений Берлинского конгресса. Ухудшение здоровья великого князя заставило его просить императора уволить его от командования действующей армией. 16 апреля 1878 г. новым главнокомандующим был назначен генерал-адъютант Тотлебен. Вместо Непокойчицкого должность начальника штаба армии занял генерал-майор князь А.К. Имеретинский.

⁴¹ Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 476.

⁴² Там же. С. 476–477.

⁴³ Речь идет о княгине Анне Матвеевне Голицыной (1809–1897), урожденной Толстой, внучке М.И. Кутузова, которая постоянно жила в семье Игнатевых (ее супруг камергер Л.М. Голицын умер в 1860 г.).

⁴⁴ Из неизданных воспоминаний К.А. Губастова. С. 138.

⁴⁵ Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово). С. 101.

⁴⁶ См.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 360–361.

«Безызвестность о том, предстоит ли скорое возвращение в Россию или придется начинать новую войну, порождала какую-то безотрадность. От этого после длительной и полной всевозможных ощущений жизни военного времени праздная стоянка с каждым днем делалась все более и более унылой. Ни ежедневная игра на берегу полковых оркестров, ни прогулки верхами за город, ни катанья на лодках по заливу, ничто не помогало...»⁴⁷, — вспоминал генерал-лейтенант П.П. Карцов. Это душевное настроение, порожденное неопределенностью положения, бездействием, скукой, усугублялось эпидемией тифа в войсках, в результате которой в ближайшем к Константинополю районе и далее к югу до городов Родосто и Силиври, на берегу Мраморного моря, появилось 37 русских кладбищ⁴⁸.

В Сан-Стефано открылось множество лавочек, ресторанов, был построен деревянный барак для итальянской оперы. Популярностью у офицеров пользовался сад «Конкордия» с кафе-шантаном, в котором играл оркестр из Вены и выступали шансоньетные певицы. Этот сад, принадлежавший Аракал-бею-Дадиану, был разбит вокруг большого трехэтажного дома на набережной Мраморного моря, где расположилась канцелярия Главной квартиры, а также разместились генерал-майор К.В. Левицкий, полковник Газенкамф (до 10 апреля, когда он выехал в Россию), Хитрово и другие офицеры. Капитан Ф.К. Гершельман вспоминал, что соседство с кафе-шантаном заставило Левицкого бежать из квартиры, так как по вечерам в саду гремела музыка, не дававшая ему заниматься. И это обстоятельство, указывал Гершельман, было воспето в «высокоталантливом» произведении М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада»⁴⁹.

Левицкого в армии не любили, в дни поражений под Плевной раздавалось требование его сменить, его называли «негодным Казимиркою». Офицеры Генштаба нелестно отзывались о своем начальнике, поскольку с ним нелегко было служить из-за его человеческих качеств, ибо он был беспокойным, суетливым, раздражительным, заносчивым, при этом крайне рассеянным и забывчивым, «без сколько-нибудь участливого отношения к подчиненным»⁵⁰.

Любопытно, что строки, которые запомнил и воспроизвел по памяти Гершельман о Левицком, отличаются от текста в корректурных листах, что можно объяснить существованием нескольких вариантов поэмы, которую Хитрово, похоже, переделывал и дополнял, оттачивая рифму.

Так, в корректурных листах напечатано:

⁴⁷ Карцов П.П. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 5. СПб., 1879. С. 425.

⁴⁸ Эжк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918. М.: Кучково поле, 2014. С. 55.

⁴⁹ Гершельман Ф.К. Воспоминания о Турецкой войне. С. 89.

⁵⁰ Там же.

*Принимает Левицкий доклад?
Обсуждает в науке легионов
Все, что выдумать мог человек,
Уж сошлись перед ним: Артамонов,
Гершельман, Кантакузен и Экк⁵¹.
Гершельман помнил строки в таком варианте:
С утра сменяются чредою
Гершельман, Кантакузен и Экк...*

В этом перечислении офицеров Генштаба пропущен Н.Д. Артамонов. Далее Гершельман пояснял: «План выработан, Левицкий, увлекаясь в мечтах своих, заносится дальше».

*И вот решил, еще займется,
Готов разить уж целый мир,
И вдруг из сада раздаётся:
«Finissez, finissez, Kazimir!».*

В корректурных листах дается другой текст. Словом «finissez», т.е. «заканчивайте» (фр.), Левицкий обыкновенно прерывал доклады своих подчиненных.

Следует отметить, что редактор журнала «Русская старина» напечатал «Сан-Стефаниаду» не полностью, на что указывает строка с отточием перед завершающим четверостишием. Карцов писал, что в поэме попадались весьма меткие замечания на счет лиц действующей армии: Э.И. Тотлебена, князя А.К. Имеретинского, а также Левицкого. Вероятно, Семевский сознательно выпустил строфы, посвященные Тотлебену и Имеретинскому. Но Хитрово вписал в корректурные листы несколько четверостиший, где говорится о «новом Ганнибале», т.е. о князе Имеретинском (Хитрово сам расшифровал, кого он имел в виду).

«Сан-Стефаниаду», как и другие свои стихотворения Хитрово, по словам Карцова, знал наизусть и при каждом удобном случае, нараспев и слегка картавя, их декламировал⁵². Многие современники считали, что Михаил

⁵¹ Здесь перечислены офицеры Генерального штаба: полковник Н.Д. Артамонов (1840–1918), который в ноябре 1876 г. был назначен штаб-офицером над вожатыми в полевом штабе действующей армии и занимался организацией агентурной разведки в Болгарии, поисками проводников и переводчиков для штабов отдельных отрядов. Во время войны его назначили исправляющим дела начальника военнотопографического отдела полевого штаба действующей армии; впоследствии — генерал от инфантерии. Генерал-майор князь М.А. Кантакузен (1840–1891), заместитель начальника штаба действующей армии в 1877–1878 гг., в 1884–1885 гг. исполнял обязанности военного министра в Княжестве Болгария. Э.В. Экк (1851–1937), помощник штаб-офицера над колонновожатыми действующей армии, в 1878 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба, впоследствии — генерал от инфантерии.

⁵² Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. С. 139.

Александрович «писал прекрасные, звучные стихи на все злобы дня»⁵³, хотя нам кажется, что в литературном отношении к поэме «Сан-Стефаниада» могут быть претензии (несоблюдение размера, хромающая «рифма» и т.д.). Но она важна прежде всего как историческое свидетельство очевидца войны и как критика многих событий 1877–1878 гг.

Позвольте теперь, спустя 140 лет со дня создания, представить поэму М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада» и небольшое вступление к ней М.И. Семевского, которые не пропустила цензура в 1885 г.

* * *

«В “Русской старине” 1870–1885 гг. между множеством вновь открытых литературных произведений лучших наших писателей прежнего времени немало помещено юмористических произведений, издавна ходивших по рукам в рукописных, зачастую безграмотных и искаженных списках. В шутке “Сан-Стефаниады” — сквозь смех слышны слезы: те слезы были вызваны и в русских людях, близко принявших к сердцу те тяжкие обстоятельства, под гнетом которых геройские подвиги и бесчисленные жертвы самоотвержения наших воинов и их доблестных вождей не увенчались миром, вполне достойным геройских побед русского войска! Это горечь разочарования и не вполне осуществившихся надежд».

*На цветущих брегах Пропонтиды,
Где легко так и сладко дышать,
Там в объятиях южной Киприды
Отдыхает российская рать.*

*Там ни горя, ни зол, ни страданья,
Место злачно и место светло!
Там полгода в бесплодном стояньи
Как мгновенье одно протекло.*

*В утешенье усталым героям
После долгих и тяжких трудов
Там стекались грации роем
И теряется счет кабаков.*

*Там везде процветают искусства,
Насладиться там всякому страсть,
Заведенья для всякого чувства
Созидает там местная власть.*

*Недостатка нет в пойле и пище:
«Веселись, дескать, русский герой!»...
А кресты по окрестным кладбищам
Разрослись будто лес молодой...*

⁵³ Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. С. 816.

*И я, бард в этом стане военном,
И все слушают песню мою —
Но кого ж я стихом вдохновенным
Я из главных вождей воспою?*

*Воспою ль о начале похода,
О великих, минувших тех днях,
Когда мы — тому скоро два года —
В путь пустились в больших сапогах?!*

*«Разумеете языцы!» — не надо
Нам ума и наук... «С нами Бог!»
Не нуждаясь в уме, до Царьграда
Дотащился смазной наш сапог.*

*Но ведь это — лишь мысли убранство!
И украшен лавровым венком —
Не в обиду сказать интендантству,
Наш солдат воевал босиком.*

*Сомневаться в успехе напрасно,
Не минуем мы к цели прийти, —
Русский Бог, шаг за шагом, всечасно
Нас ведет на благие пути.*

*Воспою ль я те дни, как бывало, —
Дни, мелькнувшие в жизни, как сон, —
Мы за скудною трапезой Галла
Всякий день *вынимали патрон?!**

*В Кишиневе, Плоэшти, Зимнице,
На заветных Дуная берегах,
И в Болгарской древней столице,
И в Боготских грязи и снегах, —*

*Много горя и зла испытали,
Но не пали мы гордой душой,
И все так же *патрон вынимали*
Мы в ответ на призыв удалой...*

*Воспою ль, как среди легионов
Удалось нам себя воспитать,
Как десятками Наполеонов
Порождала российская рать;*

*Как стратегию нынче научно
Сам в уме я своем возрастил:
Ведь два года почти безразлично
Я с стратегами нашими жил.*

Воспою ль я обоз тот громадный,
 На котором, прийдя за Дунай,
 Завоевывал штаб наш парадный
 Неприателем брошенный край?

Воспою ль я, как мы ликовали,
 Как пред нами все падало ниц, —
 В целом мире встречалось едва ли
 Столько славой сияющих лиц!!!

Воспою ль, как вперед слишком рано
 Забежали мы лавры собирать,
 Как из Тырнова мы (с Балкана)
 В Горный Студень вернулись вспять?!

Как застыла триумфа горячка,
 Как споткнулися мы на скаку,
 Как нежданно назрела болячка, —
 Эта Плевна у нас на боку...

Как возились с нею мы долго —
 Неприятный период настал:
 Умирал наш солдат из-за долга,
 Нос повеся, ходил генерал...

Как потом подошли подкрепления,
 Встрепенулась усталая рать,
 И взирал целый мир в изумлении,
 Как пошли мы врага попирать!

Пала Плевна... И русская сила, —
 Сила та, что в народе живет,
 Пред собой все мела и ломила,
 И пошла она грозно вперед!!

Тут смеяться уж я не умею!
 Каким именем я назову
 Пережитую ту эпопею,
 Тот чудовищный сон наяву?

Без обоза, в лохмотьях, босая
 Через горы, чрез снег, через лед
 Эта серая сила святая
 Совершила гигантский поход...

И к стенам Цареграда дорога
 Перед нею легла впереди...
 На Руси мужика очень много,
 Мужиком хоть плотину пруди!..

Воспою ль я умеренность нашу,
 Воспою ль голубиный наш дух,
 И как мы, заварив эту кашу,
 Преисполнились кротости вдруг?

Воспою ль наши чувства благие
 И тоску по отчизне родной,
 Как постыли нам дни боевые,
 Как нам вдруг захотелось домой?

Как премудростью высшей богаты,
 Как гарцуя блестящим умом,
 Перемирие нам дипломаты
 Заключили с убитым врагом.

Торопитесь! Ведь счастье какое!
 Исторической личностью стать:
 И вдруг имя свое небольшое
 Под трактатом большим увидеть?

Воспою ль я момент тот, как рано
 В быстром поезде — трах-тарарах!
 Прежде войска одни в Сан-Стефано
 Прикатали на всех мы парах?!!

Воспою ль я все то, что тут было,
 Сколько видели тут мы чудес,
 Как приветно нам солнце светило
 С этих ласковых, южных небес?

Что за слава над нами сияла —
 Это был торжествующий сон!
 Воспою ль, как за трапезой Галла
 Мы и здесь вынимали патрон!

Как Европу смущенную занял
 Наш у стен Цариграда народ?
 Воспою ль, как И[гнатъ]в сварганил
 Нам Сан-Стефанский мирный трактат?

Как с тех пор, сего прочного мира,
 Мы вкушаем от сладких плодов,
 И поет вдохновенная лира
 Тишину Сан-Стефанских садов...

Мы стоим на берегах Пропонтиды,
 Перед нами в глазах Цариград,
 Призывают нас дивные виды,
 Нам нельзя — ни вперед, ни назад...

Воспою ль я тот храм песнопенья,
 Воспою ли волшебный тот сад,
 Близ которого в тягостном бдении
 Принимает Левицкий доклад?

Обсуждает в науке легионов
 Все, что выдумать мог человек,
 Уж сошлись перед ним: Артамонов,
 Гершельман, Кантакузен и Эрк.

Громче звуки гармонии шумной
 Средь ночной тишины полились,
 Смолк Л[еви]цкий, на лоб многотумный
 Золотые очки поднялись:

В голове его план созревает,
 Поразить долженствующий мир...
 А из сада в окно долетает:
 «*Finissez, finissez, Kazimir!*»

.....

Но я смолк и бросаю перо я,
 На уста налагаю печать.
 Бо не в силах такого героя
 Я достойным пером воспевать.

(Хитрово дописал в корректурных листах следующие четверостишия.)

Воспою ль, как в сей новой Капуе
 Ныне новый сидит Ганнибал,
 И как к Остану ездил он всеу,
 Как под вышкою он воевал?

Как несет он тяжелое бремя
 Непомерных военных трудов,
 Как стратегией в мирное время
 Он сражает сраженных врагов?

Как ушедши в свой мир идеальный,
 Где бессмертные планы кипят,
 Он походкою монументальной
 Измеряет Дабояновский⁵⁴ сад.

Воспою ли, как вождь сей счастливый,
 Дань отдавши великим трудам,
 В час досуга беседой игривой
 Занимает Сан-Стефанских дам?⁵⁵

⁵⁴ Имеется в виду сад «Конкордия», принадлежавший богатому армянину Аракалбею-Дадьяну.

⁵⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2984. Л. 7–9 об.

Литература

1. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986.
2. Порох В.И. Офицер, историк, издатель. Все о М.И. Семевском. Саратов: СГАП, 1999.
3. Сими́на Н.Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70–80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С.Н. Валка / отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 7. С. 197–203.
4. Фетисенко О.Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М.А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 80–89.
5. Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2013 год. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 97–146.

References

1. Fetisenko, O.L., 2014. Ehpizody iz zhizni konsula (K.N. Leont'ev i M.A. Hitrovo) [Episodes from the consul's life (K.N. Leontyev and M.A. Hitrovo)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House. 2013]. Saint Petersburg: Pushkinskij Dom, pp. 97–146.
2. Fetisenko, O.L., 2016. Iz bosforskogo table-talk 1874 goda: M.A. Hitrovo i ego neizdannaya ehpigramma na prozelita transcendental'noj filosofii [From the Bosphorus table-talk of 1874: M.A. Hitrovo and his unpublished epigram on a proselyte of transcendental philosophy]. *Russkaya literatura*, N 1, pp. 80–89.
3. Vinogradov, V.N., 1986. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Balkanah. 1856–1878 gg.* [The international relations in the Balkans. 1856–1878.]. Moscow: Nauka.
4. Poroh, V.I., 1999. *Oficer, istorik, izdatel'. Vse o M.I. Semevskom* [Officer, historian, publisher. All about M.I. Semevsky]. Saratov: SGAP.
5. Simina, N.G., 1964. Istoricheskie dokumenty na stranicah “Russkoj stariny” v 70–80-h godah XIX v. [Historical documents on pages of “Russkaj starina” in the 70–80th years of the 19th century]. In: Nosov, N.E., ed. 1964. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu: Sb. statej, posvyashchennyj 75-letiyu professora S.N. Valka* [Researches on Russian Source Studies: Dedicated to the 75th anniversary of Professor S.N. Felling]. Moscow; Leningrad: Nauka, Vyp. 7, pp. 197–203.